

А.А. Васильчиков

Семейство Разумовских

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Васильчиков**
Семейство Разумовских: Том 3 / А.А. Васильчиков – М.: Книга по Требованию,
2021. – 536 с.

ISBN 978-5-517-83664-9

Семейство Разумовских. Светлейший князь Андрей Кириллович. Часть I

ISBN 978-5-517-83664-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СВѢТ. КНЯЗЬ АНДРЕЙ КИРИЛОВИЧЪ
РАЗУМОВСКІЙ

Д. Т. С. 1-го КЛАССА. ПОСОЛЪ ВЪ ВѢНѢ.

ГЛАВА I.

Введеніе.—Отрочество.—Юность.—Служба на флотъ.—
Дружба съ Цесаревичемъ.—Переписка съ нимъ.

Приступая къ біографіи свѣтлѣйшаго князя Андрея Кириловича Разумовскаго, игравшаго, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, немаловажную роль въ Европѣ, мы должны извиниться передъ читателемъ. Текстъ нашъ будетъ изобиловать нескончаемыми французскими цитатами, которые придадутъ всей книгѣ не совсѣмъ привлекательную пестроту. Недостатокъ этотъ ощущался уже во второй части труда нашего, хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ теперь.

Пестрота эта, такъ-сказать, историческая и она невольно налагаетъ отпечатокъ свой на каждый добросовѣстный трудъ, относящійся до новой, а пожалуй даже и до новѣйшей исторіи нашей. Задача наша, какъ мы объяснили въ предисловіи къ первому тому настоящаго сочиненія, воссоздать бытъ русскихъ баръ прошлаго времени и какъ можно чаще говорить если не устами, то перомъ нашихъ героевъ. Но въ эпоху, до которой мы теперь дошли, перо это умѣло строчить однѣ французскія фразы. Изъ всѣхъ Разумовскихъ никто такъ много въ жизнь свою не исписалъ бумаги, какъ настоящій герой нашъ—и дѣлалъ это онъ постоянно по-французски. На другихъ иностранныхъ языкахъ онъ не умѣлъ такъ свободно изъясняться; къ своему же, едва знакомому родному нарѣчію, прибѣгалъ онъ только въ крайнихъ случаяхъ. Самую простую дѣловую бумагу съ трудомъ могъ онъ сочинить по-русски и на письма отца постоянно отвѣчалъ по-французски, хотя старику-фельдмаршалу, особенно же въ послѣдніе годы, когда его зрѣніе ослабло, это было подѣ-часъ довольно тягостно. Всѣ товарищи и сверстники князя Андрея Кириловича думали, говорили и писали по-французски. Надобно еще радоваться, когда подѣ вліяніемъ иностранныхъ элементовъ, задушившихъ въ русскихъ лю-

дахъ все русское, оставалась на послѣднихъ хотя нѣкоторая пестрота. Весьма часто они вполне и всецѣло погрязали въ чуждую ихъ народности стихію, которая окончательно смывала съ нихъ послѣднія черты отечественнаго типа. Не въ однихъ только дипломатическихъ кругахъ, не въ однихъ великовсѣтскихъ гостиныхъ молодого и моднаго Петербурга, но и въ старой Москвѣ, сердцѣ Россіи, и въ губерніяхъ, однимъ словомъ вездѣ, куда только проникло иностранное образованіе.

На съѣздахъ, на балахъ, на праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшеніе языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ.

Употребленное Грибоѣдовымъ настоящее время едва ли анахронизмъ и въ наши дни.

Итакъ, пестрота—это отпечатокъ цѣлой эпохи. Французскія цитаты можно было перевести, но это значило лишить ихъ первобытной свѣжести. Не даромъ сказалъ Бюффонъ: „le style c'est l'homme“—а въ переводахъ слогъ обезличивается. Оставалось переводы печатать вслѣдъ за подлинниками, но тогда уже и такъ довольно объемистая книга приняла бы совершенно невозможные размѣры.

Князь Андрей Кириловичъ Разумовскій представляетъ полнѣйшее олицетвореніе того космополитизма, до котораго были доведены, процвѣтающимъ у насъ иностраннымъ воспитаніемъ, цѣлыя поколѣнія. Но на князя Разумовскаго повліяло не одно только воспитаніе. Къ полному отреченію его отъ всего русскаго много способствовала еще дипломатическая его карьера. Русскій человѣкъ, какъ бы тверды въ немъ ни были задатки народности, не можетъ безнаказанно вынести слишкомъ долгаго удаленія отъ родины. Или онъ зачахнетъ съ тоски по ней, или же, по слабости славянской природы, мало-по-малу отрѣшается отъ обычаевъ, взглядовъ и даже весьма часто вѣровавій своей отчизны, чтобы вполне и всецѣло слиться съ тою средою, въ которой проводить долгіе годы. Разительный тому примѣръ представляютъ намъ духовныя особы, отправляемыя въ былое время къ разнымъ миссіямъ нашимъ за границу. Молодой, вполне русскій семинаристъ, являясь въ Англію и проживъ тамъ лѣтъ двадцать, принималъ всю важность и всю сановитость англійскаго *right reverend'a*. Товарищъ его, поселившійся среди степенныхъ нѣмцевъ, мало-по-малу выцвѣталъ въ холоднаго протестантскаго пастора; наконецъ, среди шумнаго и суетливаго Парижа русскій духовникъ невольно заражался хватками латинскихъ монсиньоровъ. Разумѣется, все это относилось до одной только внѣшности. Даже лучшихъ нашихъ поэтовъ и писате-

лей завлекала прелесть жизни на Западъ — стѣитъ только вспомнить Жуковскаго, который до конца жизни не могъ рѣшиться переѣхать въ Россію, или Гоголя, такъ любившаго мечтать о Россіи „изъ престелнаго далека“. И это все были люди, внутренній духъ которыхъ съ младенчества сильно закаленъ былъ народнымъ элементомъ. Чего же послѣ этого ожидать отъ тѣхъ, которые еще въ пеленахъ оторваны были отъ родной среды, которые воспитались и возросли въ космополитизмъ.

Таковы были почти всѣ наши, такъ-называемые, русскіе дипломаты. Они всецѣло подчинялись вліянію той страны, въ которой приходилось имъ отстаивать честь и права своей родины. Къ тому же, нигдѣ, какъ у насъ, дипломаты не оставались такъ долго внѣ отчизны и притомъ почти постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Понятно, что съ теченіемъ времени, незамѣтно для нихъ самихъ, всѣ усилія офранцузенныхъ, объѣмчившихся, или же англизированныхъ русскихъ дипломатовъ стали стремиться не столько къ охраненію чести и блага родины, сколько къ сохраненію тѣхъ мѣстъ, гдѣ успѣли пустить они глубокіе корни. Часто ради этого все прочее терялось изъ виду. Эта характеристическая черта представителей Россіи за границей, обратила на себя въ началѣ столѣтія, какъ мы увидимъ далѣе изъ разсказа нашего, вниманіе иностранныхъ дипломатовъ, умѣвшихъ сохранять вполнѣ свою національность и свои коренныя убѣжденія. Самые русскіе изъ нашихъ пословъ стараго времени, тѣ, которые умѣли вполнѣ отрѣшиться отъ личныхъ эгоистическихъ видовъ, которые стойко защищали честь отчизны отъ людей, съ которыми были иногда связаны узами дружбы, даже и они, говоримъ мы, невольно поддавали подъ обаяніе чуждой имъ народности, но крайне имъ любезной среды. Такой примѣръ видимъ мы въ вполнѣ русскою, глубокочестномъ и совѣстливомъ графѣ Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ. Въ недавно напечатанныхъ письмахъ его къ сыну излилась вся любящая, правдивая душа этого отличнаго, симпатичнаго человека. Нельзя не быть тронутымъ глубокою искреннею привязанностію къ родинѣ, которая на каждомъ шагѣ истекала изъ-подъ пера его. При чтеніи его писемъ иногда невольно себя спрашиваешь, не выдержи ли это изъ сочиненій Хомякова, Самарина или Аксакова. И что же? этотъ вѣрный сынъ Россіи съ ужасомъ думалъ о необходимости вернуться на родину и то на самый короткій срокъ, и отказывался отъ блестящихъ мѣстъ, лишь бы не повидать дорогой ему Англии.

Особою горячею любовью къ родинѣ не отличался новый герой нашъ, къ біографіи котораго мы теперь приступаемъ.

Третій и любимый сынъ гетмана графа Кирилы Григорьевича Ра-

зумовскаго — Андрей родился въ Глуховѣ 22-го октября 1752 года. Онъ урѣлъ свѣтъ Божій шесть мѣсяцевъ послѣ пожалованія отцу его „блакитной“ кавалеріи и въ честь этого нареченъ былъ Андреемъ. Въ Петербургъ съ извѣщеніемъ о приращеніи гетманскаго семейства поскакалъ сынъ подскарбія генеральнаго Скоропадскаго. Крестины съ большою торжественностію отправлены были въ Глуховѣ. Восприемниками были старшій братъ новорожденнаго графъ Алексѣй Кириловичъ, и бабка его, графиня Наталья Демьяновна. При Глуховскомъ дворикѣ по сему случаю состоялись торжественные приемы, старшины и всѣ служащіе являлись въ гетманскій дворецъ съ поздравленіями и подносили гетманшѣ „обычайный презентъ“.

Десяти лѣтъ, 28 іюля 1762 года, принятъ былъ графъ Андрей Кириловичъ на службу во флотъ мичманомъ, но, разумѣется, оставался въ отцовскомъ домѣ, а потомъ, какъ мы видѣли въ началѣ второго тома, вмѣстѣ съ братьями воспитывался въ извѣстной академіи Х-й линіи. Съ раннихъ лѣтъ поражалъ молодой Андрей преподавателей своими способностями. Особенно полюбилъ остраго мальчика знаменитый впоследствии историкъ Шлѣцеръ. Съ своей стороны и Андрей Кириловичъ привязался къ умному и симпатичному учителю. Болѣе другихъ братьевъ любилъ онъ уроки исторіи и часто по вечерамъ, когда наступало время общаго отдыха, забирался въ комнату Шлѣцера, занимая его не по лѣтамъ умными разговорами объ исторіи и статистикѣ.

Въ это же время Андрей Кириловичъ сблизился съ Наслѣдникомъ престола, который изъ всѣхъ трехъ братьевъ Разумовскихъ, составлявшихъ обыкновенное его общество, болѣе всѣхъ полюбилъ младшаго. Между дѣтьми установилась тѣсная дружба, которую уже не могла пошатнуть долгая разлука. Въ декабрѣ 1764 года Андрей Кириловичъ отъ службы, на которую онъ еще не поступалъ, отпущенъ былъ за границу съ родителемъ. Онъ вмѣстѣ съ братьями отправился доканчивать воспитаніе свое въ Страсбургѣ, подъ руководствомъ своего гувернера де-Мариніяна, надъ которымъ подсмѣивается въ своей автобіографіи Шлѣцеръ, но который умѣлъ привязать къ себѣ своихъ воспитанниковъ и даже заслужить полное довѣріе и уваженіе фельд-маршала графа Кирилы Григорьевича.

Изъ всѣхъ братьевъ графъ Андрей особенно любилъ своего наставника. „*Nous ne sommes pas dans le cas*“, писалъ онъ къ нему, гораздо позднѣе, уже будучи министромъ въ Неаполѣ, „*de suivre une correspondance réglée, mais il m'est bien doux, je vous l'assure, de vous dire de temps en temps que je me souviens de mon enfance, des soins que vous m'avez donnés, des obligations que je vous ai. Le temps, l'âge, ni les évènements n'effacent point dans une âme sensible*

ces impressions agréables, je me les retrace bien souvent et ce tribut tacite de ma reconnaissance n'en est pas moins vif pour être renfermé!... Traitez moi en ami, souvenez-vous que je vous ai des obligations et que ce sera me procurer une satisfaction bien douce que de me permettre d'en acquitter une partie ¹⁾.

О пребываніи своемъ въ Страсбургѣ, гдѣ ученіемъ его руководилъ, извѣстный въ то время, ученый профессор Шёнфлинъ, графъ Андрей сохранилъ на всю жизнь самое отрадное впечатлѣніе. Онъ любилъ въ послѣдствіи вспоминать о своемъ тамъ пребываніи, о своихъ знакомыхъ и занятіяхъ. „Vous me mandez“, писалъ онъ много лѣтъ спустя тому же Мариніану, „que vous irez à Strasbourg. Que j'aimerais revoir ce beau pays, auquel je m'intéresserai toute ma vie. Ne m'y oubliez pas auprès de nos anciens amis. Dites mille et mille amitiés à notre digne et aimable hôte, les Franck et tout ce qui se rappellerait encore de moi. Je ne passerai jamais à cent lieux à la ronde sans aller rendre hommage, à ce berceau de mon enfance dont le souvenir m'est si agréable ²⁾).

Окончивъ курсъ ученія въ Страсбургѣ, Андрей Разумовскій вмѣстѣ съ братьями отправился въ Англію и здѣсь поступилъ во флотъ на службу. 23 іюня 1769 года онъ произведенъ былъ въ лейтенанты и въ слѣдующемъ же году возвратился въ Россію, представивъ въ адмиралтействъ-коллегію журналъ своихъ морскихъ путешествій, писанный на англійскомъ языкѣ ³⁾. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего возвращенія онъ посланъ былъ въ Архипелагъ къ адмиралу Спиридову. Несомнѣнно, что онъ принялъ участіе въ знаменитомъ Чесменскомъ походѣ, но какое—намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Объ этомъ не сохранилось никакихъ данныхъ ни между бумагами самого Разумовскаго, ни въ архивахъ морского министерства ⁴⁾. Мы знаемъ только, что онъ вернулся въ Петербургъ изъ Архипелага въ сентябрѣ 1772 года, на эскадрѣ контръ-адмирала Спиридова, пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры къ высочайшему двору и причисленъ былъ къ гребному флоту. 31 декабря того же года произведенъ онъ былъ въ капитанъ-лейтенанты. Кромѣ того, имѣемъ мы смутное понятіе о путешествіяхъ Разумовскаго въ Архангельскъ, коихъ трудно разбираемые и спеціальныя морскіе журналы сохранились въ государственномъ архивѣ.

Павель Петровичъ съ открытыми объятіями принялъ, при его возвращеніи на родину, своего стараго товарища и друга. Служба на

¹⁾ Изъ архива князя Разумовскаго.

²⁾ Тамъ же

³⁾ Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей земли Русской (1847) III. 1.

⁴⁾ Извѣстный историкъ нашего флота, Ф. Ф. Веселаго, обязательно взялся сдѣлать справку по этому въ морскихъ архивахъ. Къ сожалѣнію, справки эти ни къ чему не привели.

флотъ еще болѣе ихъ сблизилъ, такъ какъ Цесаревичъ былъ генераль-адмираломъ. Кромѣ того, по придворному званію Андрею Кириловичу часто приходилось дежурить при дворѣ и проводить вечера въ долгихъ дружескихъ бесѣдахъ съ Наслѣдникомъ престола. Но этими бесѣдами Цесаревичъ не довольствовался и, кромѣ того, велъ еще дѣятельную переписку съ Разумовскимъ. Въ богатомъ архивѣ князя Андрея Кириловича сохранился цѣлый рядъ записокъ его августѣйшаго друга. Записки эти дышатъ какою-то институтскою наивностію и нѣжностію. Мы ихъ помѣщаемъ здѣсь, придерживаясь, сколько возможно, хронологическаго порядка.

1.

Faites-moi le plaisir, mon ami, de venir s'il est possible demain diner chez moi, car il me sera impossible de vous parler ce soir à mon aise, devant souper ce soir chez le comte de Panine. Je me fais une fête de vous entretenir et de vous parler à coeur ouvert et je pourrai en avoir tout le temps si vous passez chez moi à midi et de plus il y a conseil demain. J'ai le coeur un peu gros et vide. Votre présence me soulagera et c'est pour moi un grand contentement. Adieu, mon cher ami, je vous aime de tout mon coeur. Faites-moi réponse s'il est possible.

P.

Mercredi, 6 de Mars 1778.

2.

Je me suis ennuyé hier d'importance et au milieu de quinze personnes j'ai été pour ainsi dire tout seul. J'ai toujours encore le coeur plein de sentiments et la tête pleine d'idées, qu'il me serait bien doux de vous confier, mais il m'arrive précisément comme à vous que j'ai mille choses à vous communiquer et qu'au moment où je le dois faire, je ne sais par où commencer et rien ne m'est présent. Vous avez déjà opéré un miracle d'amitié sur moi, puisque je commence à me défier de mes anciennes défiances; mais, mon ami, il faut que vous persévériez avec moi, car vous allez contre une habitude de dix années et vous combattez ce que la crainte et la gêne habituelle ont enraciné en moi. Portez-vous bien, mon ami. J'irai dans une heure au manège. Je vous laisse à penser à vous même si j'ai envie de vous voir, mais vous fe-

rez ce que la prudence vous dictera pour ne point donner d'ombrage. Adieu, je vous embrasse.

P.

Ecrivez moi un mot, s'il se peut, cela me réjouira.

Vendredi, 8 Mars 1773.

3.

J'attends avec impatience le moment où je pourrai vous voir surtout après les trois jours que j'ai passé sans vous et par conséquent dans l'ennui. J'espère que vous vous portez bien et que vous vous êtes mieux amusé que moi, du moins sont-ce mes souhaits. Le billet que vous m'avez laissé en partant m'a rassuré d'un côté, mais aussi de l'autre il a renouvelé les reproches que je me faisais d'avoir poussé les choses trop loin. Au reste mon ami je me porte bien et tout est tranquille et nous avons même sujet de nous réjouir en quelque façon. Le comte de Panine a parlé hier à notre commun ami à notre sujet et loin d'en être alarmé ou fâché, il a fait apercevoir qu'il en était content. M-r de Sal(dern) ne s'est point expliqué d'avantage à ce sujet ce matin car nous allions nous mettre à table et m'a dit qu'il m'en parlerait plus amplement une autre fois. Je n'ai plus rien à vous dire pour le moment si non que je vous aime bien et que je voudrais vous parler. Portez-vous bien et soyez gai. Adieu, je vous embrasse.

P.

4.

Mon ami, je suis bien impatient de vous voir et je ne sais par quel mésentendu entre moi et mon valet de chambre, je n'ai appris que ce matin votre arrivée. Venez chez moi l'après-midi, avant quatre heures. J'ai à vous dire un mot encore de ce qui est arrivé hier au soir entre la Efimowsky ¹⁾ et moi. Je m'informai de sa soeur, elle me dit qu'elle était à Gostilitzi avec vous, à quoi je lui dis que je croyais qu'elle reviendrait aujourd'hui. Les choses roulèrent un peu là-dessus et je ne sais de quelle manière nous tombâmes sur votre chapitre et entre autres elle m'a demandé: „вы его жалуете?“ ce qui me fit dire, que es cérémonies de côté, je me comptais être de vos amis et depuis fort

¹⁾ Фрейлины графини Ефимовскія были дочерьми двоюроднаго брата императрицы Елизаветы Петровны — генераль-аншефа графа Андрея Михайловича, женатаго на Ягужинской. Изъ нихъ: графиня Анна Андреевна вышла за графа Миниха и † 1824, а графиня Екатерина Андреевна умерла въ молодыхъ лѣтахъ 1780 г.

longtemps, mais que nous ne nous sommes rapprochés, que depuis quelques semaines, sur quoi elle se tût et je m'éloignais d'elle. Pardonnez moi que je vous entretiens de pareilles minuties. Adieu, je brûle d'envie de vous voir. Ne manquez point donc de venir si vous le pouvez.

P.

5.

Je n'ai rien à vous apprendre de nouveau si non une petite tracasserie domestique qui ne veut rien dire et que je compte vous dire tantôt, lorsque vous passerez chez moi. Dites-moi un mot par Dufour (?) sur l'état de votre santé, c'est le principal, car sans elle nous n'irons pas loin. J'attendrai avec impatience la fin de ce conseil éternel pour pouvoir vous voir plustôt. Adieu, mon cher ami, j'attends maintenant m-r de Saldern.

P.

6.

Eh bien, mon ami, comment vous trouvez-vous ce matin et vous portez-vous mieux? C'est mon premier souci car au reste tout ira bien. J'ai joué hier au soir à l'hombre, cela vous paraîtra singulier, mais l'étant quelquefois moi-même, cela ne doit point vous étonner. Adieu, venez le matin chez moi. Nous parlerons un peu affaires.

P.

7.

Je suis fâché de ne vous avoir point écrit ce matin, j'ai cru que vous viendrez chez moi à midi, comme vous me l'aviez dit hier, cependant j'ai envoyé tantôt des fleurs chez vous. J'espère en même temps que vous vous portez bien, car mon homme aux fleurs ne vous a point trouvé à la maison. Quant à moi je me porte fort bien et suis assez gai, mais très impatient de vous voir, ce pourquoi je vous prie bien instamment de passer chez moi demain à dix heures du matin. De plus je ne sais pourquoi j'ai des espèces d'inquiétudes qui je tâche de dompter et qui me viennent à ce que je crois de mon estomac. Au reste tout est tranquille, j'ai attendu en vain ce matin l'homme en question et je m'armai déjà de résolution, je me baricadai de mon innocence et je me bourrai de fermeté car je me préparai à lui répondre sèchement en conformité de mon instruction (termes à la vérité très pompeux et même trop, mais au reste nécessaires à une narration